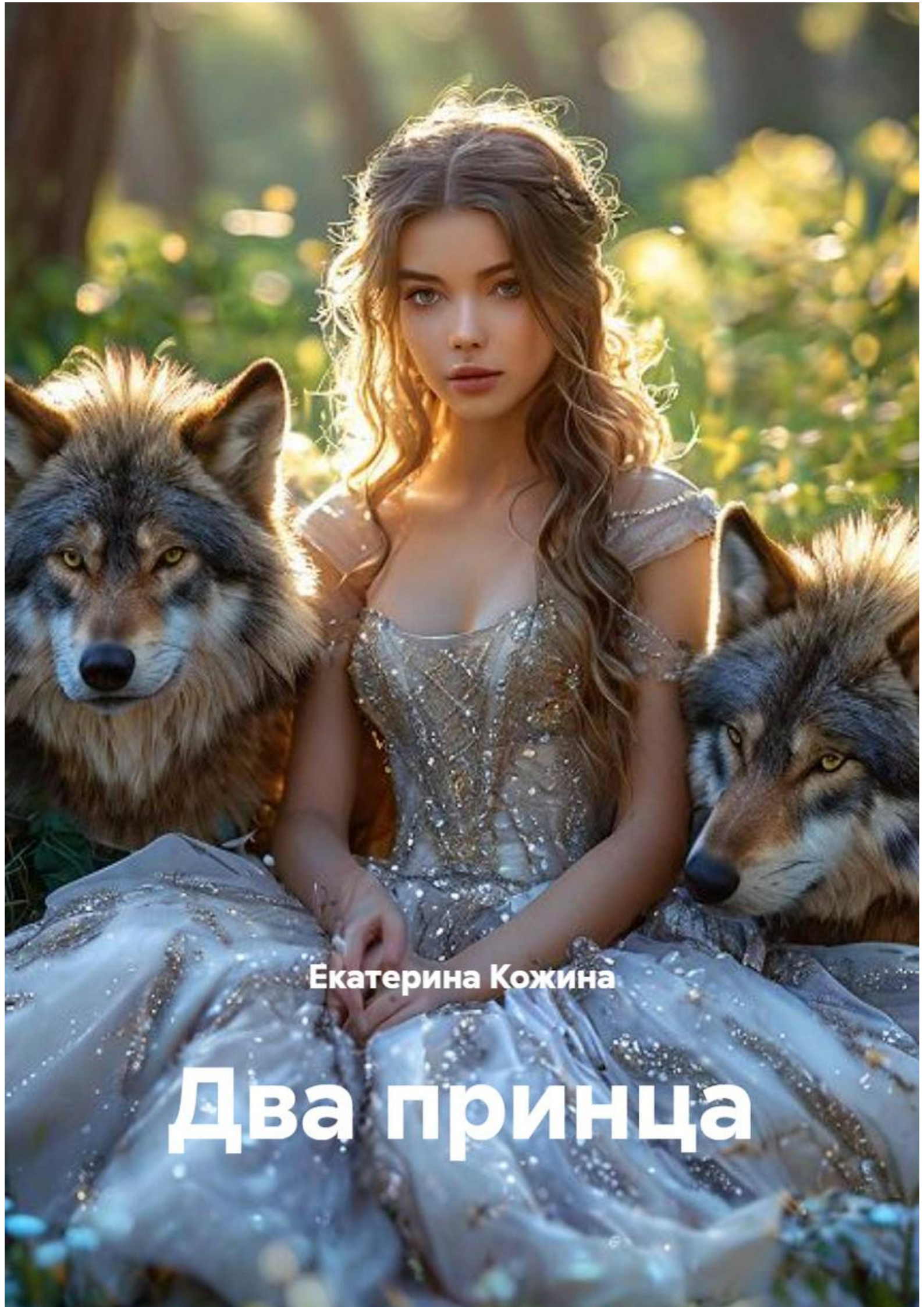

Екатерина Кожина

Два принца

Принцессы выбирают любовь

Екатерина Кожина

Два принца

«Автор»

2026

Кожина Е.

Два принца / Е. Кожина — «Автор», 2026 — (Принцессы
выбирают любовь)

Младшую принцессу Лилиан отдают замуж в дикое королевство Оботорней.
Ей предстоит навсегда покинуть свой дом и стать женой сразу двух принцев.

© Кожина Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Екатерина Кожина

Два принца

Глава 1

В малой гостиной замка Оллерн пахло пчелиным воском, удушливыми французскими духами и совершенно восхитительным, назревающим с секунды на секунду скандалом.

Важный и невероятно, просто феноменально упрямый купеческий барон, от чьих капризов и цен на овес зависело, будут ли подданные королевства грызть зимой паркет, пунцовел от ярости. Он напоминал перегретый паровой котел, который вот-вот взлетит на воздух. Брызгая слюной на бесценный персидский ковер и яростно топая сапогом из тончайшей телячьей кожи, барон сотрясал хрустальные люстры своим ревом:

— Мое зерно уйдет вашим соседям! — гремел этот невыносимый человек. — Я не сброшу ни единого, слышите, ни единого медного гроша! Оллерн останется с пустыми амбарами, а вы будете первыми в очереди за милостыней!

Его Величество король Седрик, чье величие в данный момент стремительно уменьшалось до размеров комнатной собачки, растерянно переглядывался с бледным министром снабжения. Королева Элеонора, как всегда в минуты, требующие хоть какого-то присутствия духа, страдальчески прижимала к виску платок, щедро смоченный лавандовой водой, и тихонько подвывала.

Старшая принцесса, двадцатилетняя Беатрис, разодетая в умопомрачительное шелковое платье цвета спелой вишни (которое, к слову, обошлось казне в годовой бюджет небольшой деревни), пыталась спасти положение. Она пустила в ход свое главное оружие — ослепительную, тщательно отрепетированную перед зеркалом улыбку. Увы, барон оказался на редкость толстокожим чудовищем: он был глух к девичьему очарованию, когда дело пахло чистой выгодой.

Младшая дочь, восемнадцатилетняя Лилиан, сидела чуть поодаль, в уютной тени тяжелых бархатных штор у окна. На ней было изящное платье из голубого бархата — родители никогда не экономили на ее гардеробе, виртуозно маскируя дорогой парчой и кружевами свою ледяную холодность. Король с королевой изо всех сил старались казаться справедливыми и любящими родителями, но выходило это у них, признаться, из рук вон плохо. Они упорно не замечали Лилиан, в то время как Беатрис буквально искупалась в лучах их круглосуточного обожания. И сейчас, в разгар этого утомительного государственного кризиса, про младшую принцессу, разумеется, просто забыли, словно она была частью мебелировки.

Лилиан, лениво разглядывая свои безупречно подпиленные ноготки, прекрасно видела, что высокородные переговорщики зашли в глухой, беспросветный тупик, из которого их не выведет даже полк кавалерии.

«Ну что ж, кажется, пришло время для маленького представления», — подумала девушка, и на ее губах заиграла улыбка, которая не сулила упрямому барону решительно ничего хорошего.

Лилиан, стараясь не производить лишнего шума и не шелестеть своими умопомрачительными юбками, протянула тонкую ручку и взяла со столика изящный серебряный колокольчик. Спрятав его за раскинутым пышным веером из страусиных перьев, она тихонько, по-девичьи кокетливо кашлянула, проверяя голосовые связки. Ее маленький, тщательно скрываемый от венценосных родителей дар требовал ювелирной, почти аптекарской точности.

Младшая принцесса хитро прищурилась, сосредоточив все свое внимание на затылке бушующего барона. Едва слышно, самым интимным, обволакивающим шепотом, какой

обычно приберегают для полуночных признаний в алькове, она выдохнула прямо в сторону купца:

— Барон... Мой милый, упрямый барон, подумайте о великолепном порте Оллерна. Без его доков ваши драгоценные корабли просто сгниют вместе с вашей гордостью. Ну же, успокойтесь, улыбнитесь и снизьте цену на пятнадцать процентов. Это ваша единственная, самая блестящая выгода...

Лилиан вложила в этот чарующий шепот всю силу своего дара. Разумеется, из-за огромного веера и того невообразимого гвалта, что устроили король с королевой, никто в гостиной ничего не заметил. Однако для самого барона этот нежный голосок прозвучал так, словно кто-то с размаху ударил в огромный, пугающе вибрирующий хрустальный гонг прямо у него в ухе! В этом шепоте крылась такая странная, величественная и непреодолимая сила, что у бедного толстосума по спине промчался целый табун ледяных мурашек, а в сознание накрепко, как гвоздь, врезалась чужая, непреклонная воля.

Барон осекся на полуслове, смешно захлопнув рот. Его праведный купеческий гнев сдуло, точно легким бризом. Он замер на месте, диковато и даже как-то жалко оглядываясь по сторонам, отчаянно пытаясь сообразить, откуда пришел этот всеобъемлющий, гипнотический голос. Судорожно сглотнув, барон уставился в пространство, и в его прижимистых глазах появился самый настоящий, благоговейный трепет.

— Я... Кхм. Впрочем, господа... — пробормотал он, внезапно растеряв весь свой воинственный пыл и напоминая теперь сдувшийся воздушный шарик. — Оллернский порт действительно... хм, незаменим для нашей торговли. Пожалуй, я немного погорячился, с кем не бывает? Скидка в пятнадцать процентов — это, надо признать, на редкость разумное, взвешенное и благородное решение. Давайте вашу бумагу, пока я не передумал, я все подпишу!

Король Седрик так и застыл с открытым ртом, а королева Элеонора от удивления чуть не проглотила свой лавандовый платок. И только Лилиан за своим веером позволила себе торжествующую, невинную улыбку.

Девушка тихонько опустила кружевной веер, чувствуя легкое, но вполне осязаемое головокружение — использование магии звука всегда безжалостно забирало девичьи силы. Впрочем, никто в этой суматохе даже не посмотрел в ее сторону. Для венценосных родителей она по-прежнему оставалась лишь красивой частью интерьера, так что ее маленькая тайна осталась в безопасности.

Поздним вечером Лилиан уютно устроилась в своих покоях, лениво листая страницы нового французского романа и наслаждаясь тишиной. Внезапно дверь без малейшего стука распахнулась, и в комнату вихрем влетела Беатрис, уже переодетая в роскошный домашний халат. В руках она с чисто кондитерским триумфом держала тарелку с умопомрачительными пирожными.

— Ну каков мерзавец, а? Ты только подумай! — с ходу заявила Беатрис, без лишних церемоний с размаху садясь на шелковое покрывало сестры и щедро протягивая ей угощение. — Видала, как этот толстосум сломался под конец переговоров? Мама с папой весь вечер только и делают, что поют мне дифирамбы. Они уверены, что это я своей «королевской статью» давила этого невыносимого скрягу! Папа даже выдал за ужином: «Беатрис, ты моя истинная наследница, не то что...» — тут Беатрис осеклась, прикусила язык и виновато посмотрела на младшую сестру. — В общем, Лили, они опять пытались завуалировать свою вечную холодность к тебе, но вышло, как всегда, паршиво. Прости меня. Я не хотела...

Лилиан лишь мягко, совершенно беззлобно улыбнулась и грациозно взяла с тарелки пирожное с розовым кремом:

— Все в порядке, Трикс, не переживай. Главное, что этот злосчастный договор наконец подписан и королевство не останется без хлеба. А ты в малой гостинной действительно держалась просто отлично.

— Да брось ты! — весело фыркнула старшая принцесса, уже вовсю уплетая сладости и ничуть не заботясь о придворном этикете. — Ну какая из меня великая правительница? Я в этих скучных торговых пошлинах и налогах разбираюсь примерно так же, как деревенская свинья в спелых апельсинах! Если бы этот занудный барон спросил меня хоть слово про снабжение и торговлю, я бы просто заставила его смотреть на фасон моего нового шелкового корсажа, пока он не сошел бы с ума. Я беру исключительно уверенным видом и хорошей помадой! Но, Лили... послушай, меня беспокоит совершенно другое.

Беатрис посерьезнела, отставила в сторону пустую тарелку и заговорщически пододвинулась ближе к сестре, шурша своим роскошным халатом.

— Лили, дело принимает скверный оборот. Я сегодня случайно, совершенно без умысла, подслушала разговор мамы и папы у камина. И то, что я услышала, заставило мои волосы встать дыбом! Они всерьез вознамерились отправить тебя в монастырь Святой Ванессы. Ну, ты же знаешь это жутко элитное заведение на холме, где благородные, но глубоко несчастные девицы всю жизнь только и делают, что вышивают золотыми нитями алтарные покрывала и созерцают вечную тишину! Мама с самым благочестивым видом заявила, что твоя «тихая, робкая натура» просто идеально создана для этого святого уединения. На самом же деле они думают, что так мягко и благопристойно избавят тебя от придворных интриг и... ну, давай смотреть правде в глаза, им просто так чертовски удобнее! Не нужно ломать голову, подыскивая тебе достойного мужа, и уж тем более — делить государственную казну ради твоего приданого.

Лилиан на секунду замерла. Ее тонкие пальчики крепче, до побеления костяшек, сжали край фарфоровой тарелки. Монастырь. Жизнь в четырех каменных стенах, среди унылых серых ряс и вечного, заунывного шепота молитв. Какая заманчивая, а главное — «заботливая» перспектива от любящих родителей!

— Они действительно хотят... так мягко и красиво отослать меня прочь? — тихо, почти беззвучно спросила она, и в ее огромных глазах на миг отразился блеск ночной свечи.

— Ну разумеется! Официально они, конечно же, назовут это «высоким духовным призыванием и благословением небес», — сердито надула пухлые губки Беатрис, и ее глаза воинственно сверкнули. — Но я этого не позволю, слышишь? Ты никуда не поедешь, Лили, даже если мне придется запереть тебя в своем гардеробе! Ты хоть и кажешься всем нежной скромницей, но я-то знаю, как ты любишь веселые балы, флирт и красивые шелковые платья. Мы обязательно что-нибудь придумаем, вот увидишь! Я костыми лягу на пороге королевского совета, устрою грандиозную истерику, но не пушу тебя к этим занудным монахиням!

Лилиан ласково посмотрела на разгоряченную сестру. Внутри нее теплой, обволакивающей волной разлилась искренняя девичья благодарность. Трикс так преданно любила ее и была готова пойти на открытый конфликт с королем и королевой ради ее спасения, даже не подозревая, какой огромной, почти пугающей силой на самом деле обладает ее «тихая» младшая сестра.

Ведь ровно раз в сутки, повинаясь лишь тайному зову ее воли, Лилиан могла заставить любого человека — будь то капризный барон, строгий министр или сам венценосный отец — безоговорочно поверить каждому ее слову, мгновенно успокоиться или полностью изменить свое самое непреклонное решение. И монастырские швейные мастерские явно не входили в ее планы на этот сезон.

И раз уж ее маленькая, но чертовски могущественная тайна осталась нераскрытой, у нее в рукаве появился идеальный козырь для этой утонченной королевской партии.

— Спасибо, Трикс, ты моя самая настоящая защитница, — искренне сказала Лилиан, и в ее прекрасных глазах блеснули лукавые искорки. — Но обещаю тебе, дорогая, на этот раз тебе не придется ругаться с родителями и портить свой безупречный цвет лица.

— Это еще почему? — искренне удивилась Беатрис, отправляя в рот последний, самый аппетитный кусочек пирожного с клубничным кремом и смешно пачкая кончик носа.

— Называй это женской интуицией или просто предчувствием, — загадочно улыбнулась младшая принцесса. — На следующем семейном ужине, когда они заведут свой излюбленный разговор о моем «благочестивом будущем» и монастырских стенах, я найду правильные слова. Такие особенные слова, Трикс, которые заставят их передумать раз и навсегда. Вот увидишь, они сами, со слезами на глазах, умоляюще попросят меня остаться во дворце и никуда не уезжать.

— Ой, Лили, ты слишком наивна и чересчур веришь в силу мирной дипломатии, — со вздохом превосходства заметила Беатрис, по-сестрински обнимая ее за хрупкие плечи. — Но так и быть, я помогу тебе составить эту речь. Напишем что-нибудь возвышенное. А если твои уговоры не сработают — я просто устрою грандиозную, умопомрачительную истерику с битьем фамильного саксонского фарфора! Мой крик всегда великолепно отвлекает папу от его гениальных государственных планов.

Лилиан тихо, музыкально рассмеялась, утыкаясь носом в бархатное плечо сестры, чтобы скрыть торжествующий блеск в глазах. Впереди их ждал чинный семейный ужин, и у младшей принцессы была ровно одна минута, чтобы незаметно для всех, легким шепотом полностью переписать сценарий собственного будущего.

Глава 2

Миниатюрная, но невероятно шумная война с соседним королевством Оботорней длилась всего три недели, но закончилась для блистательного Оллерна полным, сокрушительным крахом. Обратни — народ практичный, вспыльчивый, жутко сильный и совершенно лишенный придворного изящества — просто перешагнули через пограничные заграждения, как через садовый забор, смяли королевский гарнизон и бесцеремонно выставили ультиматум.

Они требовали вечного мира, торговых уступок и... старшую принцессу Беатрис в жены королевским принцам. Именно так — во множественном числе. Дело в том, что по строгим законам Оботорнии у высокородной волчицы (или, как в данном случае, у несчастной человеческой невесты) должно быть строго два мужа. Исключительно для идеального баланса сил, семейной гармонии и генетического разнообразия.

В тронном зале Оллерна царил паника, стремительно граничащая со слабоумием.

— Два мужа?! — Беатрис, смертельно бледная, но как всегда статная и умопомрачительно красивая в своем роскошном шелковом платье, нервно расхаживала перед тронами, рискуя протереть каблучками бесценный паркет. — Мама, папа, ладно еще два мужа! В конце концов, я бы с ними как-нибудь договорилась по очереди и заставила их носить шлейф моего платья! Но они же волки! Вы что, совсем забыли?!

Королева Элеонора судорожно, до посинения пальцев прижимала к носу лавандовый платок, готовая в любую секунду лишиться чувств. Король Томас мрачно, с видом приговоренного к казни изучал пергамент ультиматума.

— Ах, дорогая, дело вовсе не в придворной морали... — трагично прошептала королева, закатывая глаза к расписным сводам. — Томас, вспомни ее шестилетие! Нам тогда подарили очаровательного, пушистого щенка борзой. Помнишь? Беатрис обняла его, и всего через пять минут ее нежная кожа покрылась багровыми пятнами размером с хорошее спелое яблоко! А потом бедное дитя три дня чихало с такой силой, что во всем замке дрожали хрустальные люстры!

— У меня тяжелейшая, просто фатальная аллергия на всех псовых! — воскликнула Беатрис, картинно заламывая руки и демонстрируя залу свой идеальный профиль. — Если эти дикие принцы вздумают обратиться в волков во время свадебного пира, я просто-напросто умру от отека Квинке прямо у алтаря! Это будет не великий союз, а самый короткий, позорный и чихающий дипломатический брак в истории человечества!

Целых три дня король и королева, напрочь позабыв про свой благопристойный протокольный холод, строчили в Оботорнию полные слез и орфографических ошибок письма. Каждое послание было щедро подкреплено официальными справками от придворного лекаря и скреплено массивными восковыми печатями. Они предлагали грозным соседям горы золота, прибыльные алмазные шахты, лучшую пушнину — решительно все, лишь бы спасти свою обожаемую старшую дочь от неминуемого удушья на ковре из волчьей шерсти.

В конце концов обратни, которым изрядно надоела эта бесконечная медицинская переписка, недовольно проворчали: «Ладно, пусть будет по-вашему. Нам нужна кровная принцесса для юридического скрепления договора, а не ходячий лазарет. Давайте сюда младшую. Только пусть ваша девчонка не вздумает чихать, у наших мальчиков крайне тонкий музыкальный слух».

Лириан приняла эту ошеломляющую новость со свойственным ей тихим, поистине королевским достоинством. Сейчас она сидела в своих покоях перед зеркалом, пока служанки с трепетом укладывали ее роскошные светлые локоны в изящную прическу. На ней было великолепное, сногшибательное дорожное платье из плотного голубого бархата с тончайшей серебряной вышивкой. Родители напоследок небывало расщедрились на самый дорогой и изыскан-

ный гардероб в ее жизни, глуша этим шопингом смутную, тщательно скрываемую от самих себя вину.

Они хладнокровно отдавали младшую дочь «диким чудовищам», чтобы спасти драгоценную старшую. Разумеется, на людях они вежливо и пафосно говорили Лилиан о «великом монаршем долге», «жертвенности» и «спасении родины», но в их глазах читалось просто неприличное облегчение. Их любимица Беатрис останется дома, в полной безопасности, на балах, и — главное — подальше от клыков, когтей и прочих кошмаров дикой природы.

Они и не подозревали, что Лилиан отправляется навстречу двум оборотням, имея в запасе свой секретный дар, и что эти двое мужчин очень скоро будут плясать под ее дудочку.

Дверь с оглушительным грохотом распахнулась, заставив испуганных служанок выронить шпильки. В комнату вихрем влетела Беатрис — заплаканная, с совершенно растрепавшейся прической и размазанной тушью, напрочь позабыв про свою обычную девичью гордость и придворный этикет.

— Лили! — Беатрис с размаху упала перед сестрой на колени, драматично уткнувшись лицом в ее роскошную голубую бархатную юбку. — Прости меня, ради всего святого! Я самое настоящее чудовище! Это я, я должна ехать к этим нечесаным, блохастым дикарям! Я... я клянусь, что могу пить горький крапивный отвар целыми тоннами! Я вытерплю любые багровые пятна на коже и буду чихать до скончания веков! Пожалуйста, не уезжай!

Лилиан нежно, убаюкивающе погладила сестру по растрепанным каштановым волосам. Внутри нее в этот момент все сжималось от самого дикого, парализующего ужаса, какой только может испытать благородная девица. Оборотни. Дикие, огромные, пахнущие грозой полулюди. И — о небеса! — сразу два мужа. Она, робкая и утонченная девушка, которая всю жизнь привыкла тихо сидеть с книжкой у окна, теперь должна принадлежать двум настоящим волкам. От одной только мысли об их клыках и объятиях девушке отчаянно хотелось залезть под кровать и никогда оттуда не вылезать. Но она заставила себя гордо выпрямить спину. Ей, как истинной принцессе Оллерна, нельзя было показывать свой страх служанкам.

— Ну полно тебе, Трикс, — со всей успокаивающей нежностью, на какую была способна, произнесла Лилиан. — Прекрати немедленно плакать, ты окончательно испортишь свой макияж. А ведь тебе сегодня еще ужинать с этими занудными министрами. У меня, к счастью, нет никакой аллергии на шерсть. Я обязательно справлюсь. В конце концов, в монастыре Святой Ванессы, куда меня так заботливо хотели сослать наши родители, тоже были бы невероятно строгие правила. Буду считать, что Оботорния — это просто... очень специфический, экзотический монастырь. С клыками.

— Но они же, говорят, едят исключительно сырое мясо с кровью! — безутешно всхлинула Беатрис, поднимая на нее полные ужаса глаза. — А если они разозлятся и покусают тебя, Лили?

— Что ж, тогда я просто строжайше попрошу их личного повара хорошенько прожаривать их королевские порции, — попыталась пошутить Лилиан, хотя ее собственные бледные губы слегка дрожали от волнения. — Пожалуйста, не переживай так. Я буду писать тебе письма. Очень много писем. Из самого сердца волчьего логова.

Во дворе замка ее уже дожидалась тяжеловесная, обитая железом карета Оботорней, выглядевшая так, словно ее собирались отправить на штурм крепости, а не на свадебное торжество. Возле этого сооружения переминались с ноги на ногу двое послов — мужчины столь внушительных размеров в своих кожаных колетах, что рядом с ними лакеи Оллерна казались хрупкими фарфоровыми статуэтками. От чужаков исходил волнующий, сильный аромат костра, мокрой хвои и чего-то первобытного, отчего у любой приличной девицы побежали бы мурашки по коже. У одного из них из-под пышной меховой шапки весьма недвусмысленно

проглядывали серые волчьи уши, которые чутко подергивались от непривычного шума дворцовой суеты.

Король Томас и королева Элеонора снизошли до того, чтобы проводить младшую дочь на крыльцо. Его Величество официально, напыщенно кашлянул, упорно пряча бегающий взгляд:

— Лилиан... Помни, дорогая, Оллерн вовек не забудет твоей великой жертвы. Веди себя... хм, благородно, как и подобает нашей крови.

— Да, дитя мое, — поспешно добавила королева, мимолетным, почти невесомым поцелуем коснувшись бледной щеки Лилиан и тут же испуганно отступая назад, под надежную защиту Беатрис. — Будь послушной и прилежной женой. Обоим... Кхм. Постарайся им... ну, как-нибудь понравиться.

Лилиан едва заметно, с затаенной горечью усмехнулась под прикрытием своих длинных ресниц. Даже сейчас, отправляя ее в неизвестность, любящие родители умудрялись держать привычную ледяную дистанцию. Она решительно повернулась к Беатрис, крепко, до хруста в корсете обняла ее на прощание и заговорщически шепнула на ухо:

— Береги себя, Трикс. И, умоляю, приглядывай за нашей казной. Больше не покупай тех безумно дорогих племенных скакунов у заезжих цыган!

В этот трогательный сестринский момент вмешался один из послов. Внушительный шрам на его щеке делал его похожим на грозного разбойника с большой дороги. Он басовито, пугающе рыкнул, заставив вздрогнуть королевскую гвардию:

— Время, принцесса! Путь до нашей границы долгий и утомительный. Их Высочества, принцы Гаррет и Киран, уже изнывают от нетерпения на пограничной заставе. А они, признаться, страсть как не любят, когда бабы опаздывают.

При слове «бабы» королева Элеонора едва не лишилась чувств, а Лилиан робко сглотнула подступивший к горлу комок. И все же она нашла в себе достаточно девичьего мужества, чтобы изящным жестом приподнять тяжелые бархатные юбки и сделать первый шаг к железной карете. Дверца захлопнулась с глухим стуком, экипаж тронулся, и колеса загрохотали по неровной брусчатке. Оллерн со всеми его холодными тайнами оставался позади, а впереди девушку ждала встреча с ее двумя невероятными судьбами.

Внутри кареты, вопреки самым мрачным ожиданиям Лилиан, оказалось на удивление чисто, тепло и приятно пахло сушеной лавандой и луговыми травами. Напротив нее, развалившись на кожаном сиденье, расположился посол. Как выяснилось из дорожных разговоров, звали этого великана — Вульфрик. Он совершенно бесцеремонно, с чисто мужским и немного звериным любопытством разглядывал ее своими янтарно-желтыми глазами.

— Ты слишком бледная, человечка, — басовито заметил он, шумно и глубоко втянув носом воздух, отчего Лилиан невольно поправила воротник платья. — И пахнешь страхом. Мятой, дорогими духами и капелькой страха. Брось это, не бойся. Мы не едим принцесс. По крайней мере, тех, за кого уже уплачен вечный мир и подписаны торговые пошлины.

Лилиан сидела, благопристойно и чинно сложив руки на коленях, стараясь изо всех сил казаться невозмутимой. Сердце ее колотилось где-то в районе горла, совершая сумасшедшие кульбиты. Однако ее маленькая тайна, спасительный дар — волшебный, гипнотический голос — все еще были при ней. Она твердо знала: если ситуация станет совсем критической и кто-то посмеет покуситься на ее девичью честь, у нее есть ровно одна минута абсолютной власти в сутки. Это знание согревало ее изнутри, действуя как надежный, невидимый щит.

— Я вовсе не боюсь, господин посол, — мягко, с едва уловимой, очаровательной дрожью в голосе ответила девушка, смело взглянув в его звериные глаза. — Я просто... размышляю о некоторых культурных различиях наших великих стран. Скажите, а ваши достопочтенные принцы... они очень... хм, пушистые?

Вульффрик расхохотался с такой сокрушительной силой, что тяжелая карета ощутимо закачалась на рессорах.

— Пушистые! Слыхал, Бьорн? — весело крикнул он куда-то в сторону кучера, стукнув себя огромным кулаком по колену. — Наша принцесса переживает за количество шерсти на квадратный дюйм! Не бойся, девочка, тебе достались лучшие мужчины Оботорнии. Принц Гаррет у нас спокойный, рассудительный, как вековая скала. Вечно сидит в окружении старинных книг и пишет новые законы для стаи. А вот Киран... ну, Киран парень горячий, настоящий огонь. Он сначала бьет наотмашь, а потом уже спрашивает имя. Но оба они — величайшие воины. Так что тебе крупно повезло, малышка. Двое мужей — это в два раза больше надежной защиты от любых невзгод.

— Или в два раза больше стирки... — едва слышно пробормотала Лилиан под нос, с содроганием вспоминая невероятные размеры их кожаного обмундирования.

Вульффрик широко ухмыльнулся, искренне оценив эту чисто девичью практичность, и вытащил из холщового мешка изрядный кусок вяленого мяса, пахнущего солью и дымом, галантно предложив его попутчице. Лилиан, разумеется, вежливо и с самой очаровательной улыбкой отказалась, сославшись на чересчур сытный дворцовый завтрак, хотя от одного вида этого угощения у нее слегка закружилась голова.

Она грациозно отвернулась к окну, спасаясь от пристального взгляда янтарных глаз посла. Пейзаж за плотным стеклом стремительно и пугающе менялся: ухоженные, цивилизованные луга родного Оллерна уступали место дремучим, вековым и по-настоящему мистическим лесам дикой Оботорнии. Деревья-великаны стояли вдоль дороги плотной стеной, словно суровая королевская гвардия.

Где-то там, на туманной пограничной заставе, ее уже с нетерпением ждали два ее будущих мужа — рассудительный книголюб и неудержимый воин. Два огромных волка, готовых заявить свои права на хрупкую принцессу.

Лилиан сделала глубокий, успокаивающий вдох, коснулась тонкими пальцами своего горла и уверенно подумала:

«Ну что ж, господа волки... Искренне надеюсь, что вы умеете хорошо слушать и ценить мягкий женский голос. Потому что если мы не сойдемся с вами характерами, мне придется устроить вам обоим очень долгую, очень серьезную и крайне убедительную лекцию. И поверьте, вы не посмеете меня перебить».

Глава 3

Пограничная застава Оботорней встретила Лилиан оглушительным лаем гончих, дразнящим ароматом жареной на вертеле дичи и поистине пугающими размерами бревенчатых стен, способных выдержать штурм целой армии. Карета остановилась с тяжелым, протяжным скрипом рессор. Посол Вульффрик распахнул массивную дверцу, обнажив зубы в добродушной ухмылке:

— Ну вот мы и на месте, принцесса. Твоя судьба, а точнее — сразу две судьбы, уже изнывают от нетерпения. Вылезай, милая, только аккуратно. У нас тут, сама видишь, дворцовый паркет не предусмотрен, кругом сплошная дикая природа.

Принцесса сделала последний, судорожный вдох. Ее бедное девичье сердце испуганной птицей билось о корсет, но она упрямо заставила себя расправить плечи, плавным жестом поправить роскошный подол своего голубого платья и с истинно королевским изяществом сойти на утопанную, сухую землю заставы.

Прямо перед ней, преграждая путь к отступлению, стояли двое. Принцы Оботорней. Наследники волчьего трона оказались невероятно высокими, широкоплечими и при этом совершенно, просто поразительно непохожими друг на друга.

Тот, что стоял чуть правее, выглядел на редкость благопристойно. Он был одет в безупречно опрятный суконный кафтан с дорогой меховой оторочкой. Его темные волосы были зачесаны назад, а на переносице — Лилиан даже растерянно моргнула от удивления — красовались изящные очки в тонкой серебряной оправе. В руках он с важным видом держал какой-то старинный свиток. Сомнений не было: перед ней стоял тот самый начитанный принц Гаррет.

Второй брат, Киран, являл собой полную противоположность интеллектуальному Гаррету. Он лениво подпирал мощным плечом деревянный столб навеса. На нем был изрядно потертый кожаный колет без рукавов, который ничуть не скрывал его бугристые, сильные руки, покрытые боевыми шрамами и загадочными татуировками. Его золотисто-светлые волосы были дерзко растрепаны ветром, а на чувственных губах играла опасная, хищная ухмылка, от которой у любой придворной дамы Оллерна немедленно случился бы обморок.

Оба принца одновременно и не мигая уставились на свою новоиспеченную суженую. К величайшему изумлению Лилиан, в их пристальных взглядах не было ни капли той дикой злобы или варварского пренебрежения, к которым ее мысленно готовили любящие родители. Напротив, в прохладном воздухе заставы повисло искреннее, глубокое и почти детское удивление.

Оборотни, как известно, обладали невероятно тонким, магическим чутьем. И сейчас, вместо высокомерной, капризной и изнеженной старшей принцессы Беатрис, о которой велась речь в первоначальном ультиматуме, они увидели перед собой хрупкую, но удивительно гармоничную, ладную девушку. От нее веяло прохладной свежестью мяты, едва уловимым ароматом старых книжных страниц и — о небеса! — какой-то скрытой, невероятно манящей женской силой.

Она им безоговорочно, бесповоротно, с самого первого взгляда, понравилась. Причем обоим сразу.

— Приветствую вас на нашей земле, принцесса Лилиан, — первым нарушил молчание Гаррет.

Его голос оказался удивительно приятным — спокойным, глубоким и безупречно вежливым. Он сделал такой безукоризненный, изысканный придворный поклон, какому могли бы позавидовать лучшие столичные кавалеры Оллерна.

— Признаться, я искренне рад, что Его Величество прислал именно вас. Честно говоря, те бесконечные медицинские отчеты вашей старшей сестры по поводу... гм, ее внезапной и фатальной аллергии на нашу скромную сущность ввели нас в глубокий ступор.

— Да ладно тебе, Гарри, не занудствуй и брось ты свои канцелярские манеры, — весело фыркнул Киран, лениво отлипая от деревянного столба навеса.

Он сделал широкий шаг вперед, сокращая дистанцию, и бесцеремонно, с чисто мужским восхищением оглядел Лилиан с ног до головы. Его ухмылка стала еще шире и соблазнительнее.

— Привет, пушинка! А ты, надо признать, очень даже ничего. Чертовски симпатичная. И, слава богам, от тебя не пахнет теми удушающими королевскими духами Беатрис, от которых у меня во время подписания ультиматума весь день в носу невыносимо свербело.

Девушка робко, чисто инстинктивно отступила на полшага назад, покрепче сжав в пальцах свой кружевной веер. Однако этот неожиданно приветливый и даже шутливый тон братьев-оборотней заставил ее внутреннее напряжение, копившееся всю дорогу, чуть-чуть спастись. Слава небесам, они вовсе не выглядели как кровожадные дикари, собирающиеся зажарить ее на ужин. Более того, один из них и вовсе производил впечатление человека, который только что сбежал с лекции в университетской библиотеке Оллерна.

— Здравствуйте, — тихо, но удивительно четко и с достоинством ответила Лилиан, смело поднимая на них свои лучистые глаза. — Я... я тоже искренне рада, что наше с вами знакомство начинается без... какого-либо кровопролития.

— Ну, это мы еще посмотрим, когда узнаем, как ты готовишь дичь, — весело хохотнул Киран, озорно подмигнув.

Гаррет тут же наградил непутевого брата таким осуждающим взглядом, что тот лишь зазорно развел руками. Кажется, эта необычная семейная жизнь обещала быть весьма занимательной.

Принцы любезно проводили Лилиан в просторный бревенчатый, но весьма уютный домик заставы. На массивном дубовом столе ее уже дожидался пузатый глиняный чайник, из носика которого исходил ароматный пар чая на таежных травах. Впрочем, без лишних нежностей, сентиментальных вздохов и прочей романтической мишуры братья устроились друг напротив друга, напоминая скорее суровых деловых партнеров на важных переговорах, нежели будущих супругов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.